

Археология евразийских степей

УДК 903.2 903.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.392.402>

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КИМАКСКОГО ВОИНА ИЗ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КАНСАРА)¹

© 2024 г. З. Самашев, А.К. Айткали

В статье вводится в научный оборот материалы воинского погребения кимакского времени. Основное внимание уделено археологическим находкам из кургана № 22 некрополя Кансар, расположенного в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области. Вещевой комплекс исследованного погребения включает богатое вооружение и амуницию воина, что свидетельствует о его высоком социальном и военном статусе. Среди обнаруженных предметов состоятельного воина из числа кимаков – однолезвийная сабля с изысканно оформленным перекрестием, топор-тесло, фрагмент железного ножа, а также комплект железных наконечников стрел, характерный для легковооруженного всадника. Изучение этих предметов позволяет глубже понять культурные особенности и военные традиции кимаков, а также их влияние на политический и культурный ландшафт региона. Авторы статьи подробно анализируют каждый из обнаруженных предметов, включая их форму, материал и узоры орнаментации, что предоставляет ценную информацию о мастерстве кимаков в изготовлении военного снаряжения и украшений. В статье также рассматривается важность этих находок в контексте широких историко-культурных процессов, происходивших в рассматриваемом регионе, что способствует более глубокому пониманию истории и культуры этого малоизученного народа.

Ключевые слова: археология, средневековье, Кимакский каганат, Восточный Казахстан, Казахский Алтай, курган, погребальный инвентарь, снаряжение воина, украшения, вооружение, сабля.

WARRIOR BURIAL OF THE KIMAK PERIOD FROM THE KAZAKH ALTAI²

Z. Samashev, A.K. Aitkali

The article publishes the materials of the burial mound No. 22 of the Kansar necropolis, located in the Kazakh Altai and dated to the VIII–IX centuries. The main attention is paid to the analysis of the burial of a high-ranking warrior from the Kimak tribal union, accompanied by an extensive set of weapons. This highlights his prestigious position in society. The article describes in detail the characteristics of the burial and the accompanying inventory, including an exquisitely decorated saber, iron arrowheads, an adze axe and an iron knife. The emphasis is placed on the analysis of the decorative and functional features of the saber, which is a key object of burial and testifies to the cultural contacts of the Kimaks with neighboring peoples. The article also reveals important aspects of the Kimak culture and military traditions, emphasizing the art of making weapons and the military power of this people. The study highlights the importance of the Kimaks in the history of Central and Central Asia, their role in shaping the cultural and political landscape of the region. The finds of barrow No. 22 open up new perspectives for understanding the cultural characteristics of the Kimak epoch and emphasize the importance of continuing research in this area.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Kimak Khaganate, Eastern Kazakhstan, Kazakh Altai, barrow, grave goods, warrior's equipment, jewelry, weapons, saber.

Введение

В промежутке IX–X веков на северных территориях Центральной Азии зарождается и развивается Кимакский племенной союз.

Изначально он включал в себя семь племён, но со временем их количество увеличилось до двенадцати. В составе этого союза наиболее выделялись племена байандур, эймюр, йемек,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МНВО РК, в рамках проекта: AP22786628 «Междисциплинарное исследование культурного комплекса кимаков Казахского Алтая».

² The work financially supported by the Committee of Science of Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan as a part of the project: AP22786628 "Interdisciplinary study of the cultural complex of the Kimaks of the Kazakh Altai".

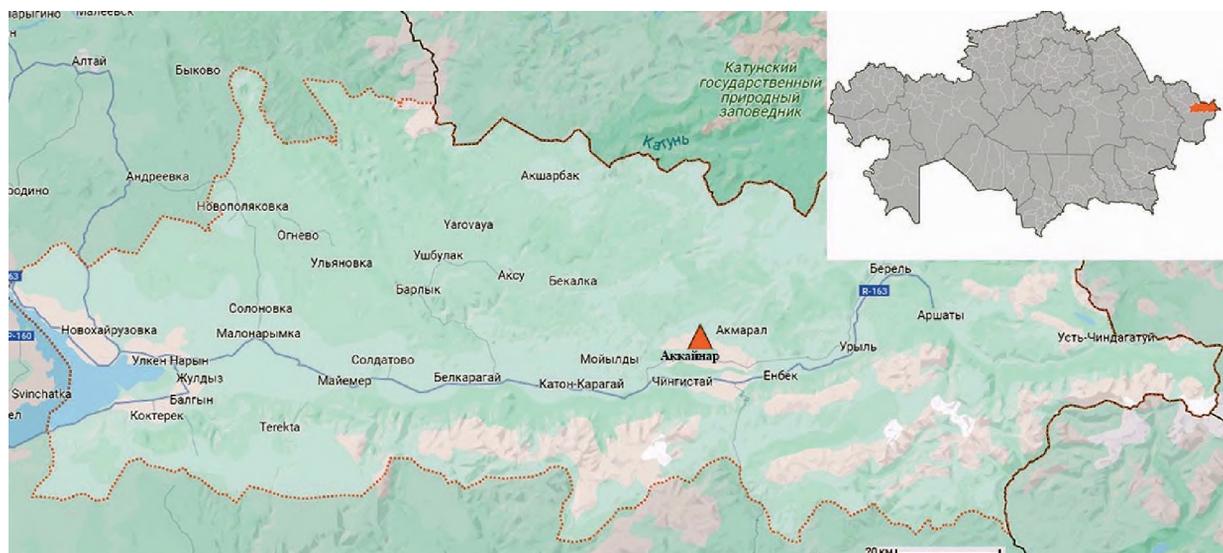

Рис. 1. Место расположения памятника Кансар.

Fig. 1. Location of the Kansar site.

татар и кыпчак. Эти племена играли ключевую роль в формировании политического и культурного ландшафта региона в данную эпоху (Кумекоев, 1972, с. 85; Ахинжанов, 1995, с. 99; Юзеев, 2022).

Основатели рассматриваемой федерации племен – кимаки, загадочный средневековый этнос, до сих пор остаются предметом углубленных исследований (Кумекоев, 1971, с. 194–198; Зуев, 2002, 110–115). Этот народ, оставивший после себя богатое археологическое наследие, привлекает внимание своими погребальными памятниками, особенно курганами в верховьях и среднем течении Прииртышья и на Алтае (Арсланова, 1983, с. 105–116; Алехин, 1998, с. 201–203; Могильников, 2002). Помимо этого, упоминания о городах кимаков в исторических источниках добавляют интриги в поиски этих неоткрытых мест. Разнообразие археологических находок, особенно в курганах Алтая, свидетельствует о значимости военного искусства в жизни кимаков, что подтверждается находками военного снаряжения в могилах (Могильников, 1981, с. 43–46). Новые исследования в Казахском Алтае открывают дополнительные детали о воинских традициях этого народа, раскрывая уникальные аспекты их жизни и культуры. В частности, недавние раскопки некрополя Кансар предоставили ценные данные, позволяющие глубже понять культурные особенности кимакской эпохи.

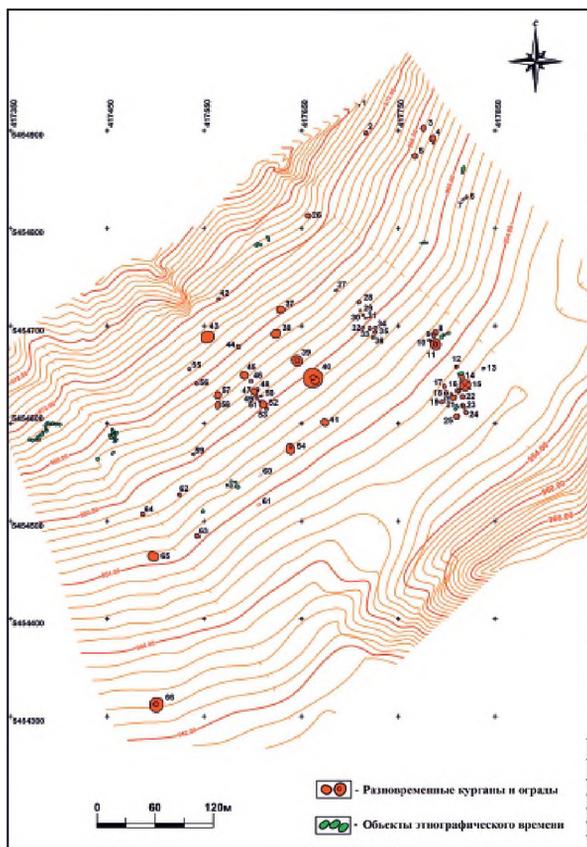
Настоящая статья посвящена анализу и публикации материалов, извлеченных

из кургана № 22, где обнаружены останки профессионального воина, оснащенного обширным комплектом снаряжения для ведения как ближнего, так и дальнего боя. Присутствие разнообразных предметов, сделанных из железа, цветных металлов и кости, предоставляют ценные сведения для детального анализа их оформления, что дополнительно подчеркивает необходимость публикации этих находок.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Кансар расположен в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области, на северо-западной окраине населенного пункта Аккайнар (рис. 1). Могильник размещается на плоском предгорном плато, которое вытянуто в направлении северо-восток – юго-запад и естественно ограничено склонами возвышенностей с востока, юга и севера. Северная граница этого плато примыкает к горе Каратау, сама долина носит название Кансар, от которого и происходит название некрополя. Интересно, что плато плавно спускается, начиная от горы Каратау, в южном направлении к населенному пункту Аккайнар.

Разновременный могильник Кансар представляет собой внушительный археологический ансамбль, насчитывающий более 50 каменных сооружений, размещенных как в линейном порядке, так и сгруппированных в отдельные комплексы (рис. 2). Эти конструкции, воплощенные в камне, проявляются в разнообразии форм: от строгих прямо-

Рис.2. Топография памятника.

Fig. 2. Topography of the site.

угольных очертаний до мягких округлых линий. Их высота достигает 0,1–0,5 метра от современного уровня земли при диаметре от 5×5 до 20×20 метров. Основные материалы, использованные в сооружении погребально-поминальных комплексов: колотые камни горных пород в сочетании с речной галькой.

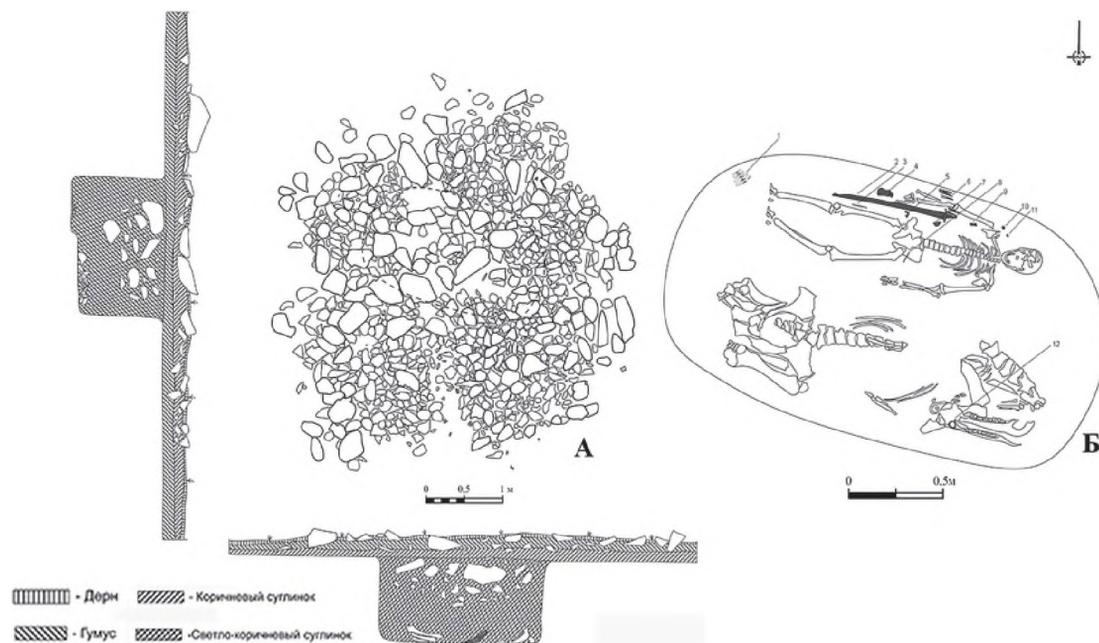
Необходимо отметить, что в ходе проведённых ранее разведывательных работ на территории некрополя было установлено, что курганы, расположенные в западной части могильника линейно и без видимого порядка, датируются ранним железным веком. В то же время курганы раннего Средневековья были выявлены в юго-восточной части некрополя, где они в основном были скрыты под слоем дерна. Изученный курган также располагался в этой части некрополя. Ниже подробно рассмотрим ключевые особенности захоронения кургана № 22 с акцентом на отдельные аспекты данного объекта, с особым упором на элементы, имеющие первостепенное значение для осмысления его принадлежности к определённой этнокультурной среде и позиционирования в рамках хронологии.

До начала археологических работ курган № 22 характеризовался интенсивно задернованной каменной насыпью, которая до разбора насыпи была едва различима на поверхности земли. Курган был сложен из камней с примесью небольшого количества грунта, в разрезе уплощенной формы, а в горизонтальной проекции формировал расплывчатую, приблизительно подчетырёхугольную структуру. Размеры кургана составляли 6,2 метра по оси север – юг и 6 метров по линии восток – запад.

После разбора насыпи, на уровне древнего горизонта, в центре кургана, обнаружена надмогильная выкладка из средних и мелких камней. Непосредственно под ней была обнаружена могильная яма овально-вытянутой формы, ориентированная своей продолговатой осью в направлении восток – запад с легким отклонением. Размеры могильной ямы следующие: длина составляет 2,3 метра, ширина – 1,5 метра, а глубина достигает 1,2 метра. В ходе исследования ямы была обнаружена довольно плотная структура почвы, содержащая массивные гальки и колотые камни. Только в области непосредственно над останками погребенного, на расстоянии примерно 25–30 см, засыпка могилы не содержала массивных камней.

На дне ямы, на расстоянии одного метра от ее верхнего края и вдоль северной стены, был обнаружен человеческий скелет, аккуратно уложенный на спине (рис. 3). Скелет располагался в анатомически правильном порядке, с руками вдоль тела. Голова захороненного была направлена на восток. Справа от скелета, в области от локтя до колена, находились однолезвийная железная сабля и топор-тесло. Чуть выше, в районе плеча захороненного, найден фрагмент рукояти сабли со штифтом для крепления обкладки. Также были найдены остатки берестяного колчана в очень плохом состоянии с набором железных наконечников стрел, острием обращенных на запад. Один из железных наконечников лежал ближе к правому колену. Поблизости от левой тазовой кости был найден фрагмент плохо сохранившегося железного ножа.

В районе правого плеча захороненного найдено изделие из бронзовой проволоки округлой формы с четырьмя выступами и костяная поделка со сквозным отверстием подовальной формы с заостренным нижним

Рис. 3. Кансар, курган 22. А – план и разрезы кургана; Б – план погребения: 1 – хвостовые позвонки овцы; 2 – железная сабля; 3,6 – железные наконечники стрел; 4 – железный топор-тесло; 5 – бронзовая бляха-накладка; 7 – бронзовая бляха-обойма; 8 – железный нож; 9 – железный фрагмент черена сабли; 10 – бронзовая нашивка; 11 – костяная нашивка с орнаментом; 12 – железный фрагмент удила.

Fig. 3. Kansar, barrow № 22. А – plan and sections of the barrow; Б – burial plan: 1 – caudal vertebrae of a sheep; 2 – iron saber; 3,6 – iron arrowheads; 4 – iron adze; 5 – bronze belt badge-mount; 7 – bronze plaque-holder; 8 – iron knife; 9 – iron fragment of a saber handle; 10 – bronze badge; 11 – bone patch; 12 – iron fragment of a bit.

концом, поверхность которого украшена изображением четырехлистника.

У западной, торцевой стены погребальной камеры были найдены остатки ритуальной мясной пищи, представленные костями мелкого рогатого скота, а именно овцы.

Параллельно южной стене ямы, на уровне на 10 см выше захороненного человека, на приступке обнаружен костяк взнузданной лошади. Конечности животного были согнуты и подтянуты под брюхо. Верхняя часть черепа лошади была раздроблена на отдельные фрагменты под давлением заполнения могильной ямы. Нижняя челюсть сохранилась в более хорошем состоянии. Судя по ним, голова животного изначально была ориентирована в том же направлении, что и голова погребенного человека. В районе нижней челюсти лошади найдены фрагменты железного удила с кольцевидными окончаниями. Других предметов, которые могли бы составлять сопроводительный инвентарь, в данной могиле не обнаружено.

Анализ материала

Исследованное захоронение под насыпью кургана № 22 на памятнике Кансар соответ-

ствует обычаям кимакской ритуальной традиции (Могильников, 1981, с. 84). Для рассматриваемого региона типичны захоронения под каменно-земляными насыпями разнообразных форм. Нередко фиксируются каменные выкладки по периметру или под насыпями. Как правило, захоронения представлены одиночными, порой коллективными могилами (Арсланова, 1987, с. 50–69). Во многих случаях рядом с погребенными находят сопроводительные захоронения лошадей, помещенные параллельно положению человеку и с той же ориентацией. Главным образом практикуется обряд трупоположения, но встречаются случаи кремации (Арсланова, 1972, с. 56–76). В целом указанные характеристики различий в погребальных обрядах отображают сложную организацию полиэтничного государства кимаков (Кумек, 1972, с. 113).

В исследуемом погребальном комплексе был обнаружен обширный ассортимент сопутствующих артефактов, включающий как часто встречающиеся, так и достаточно уникальные предметы. Эти находки предоставляют важную информацию для более точного определения времени создания комплекса и

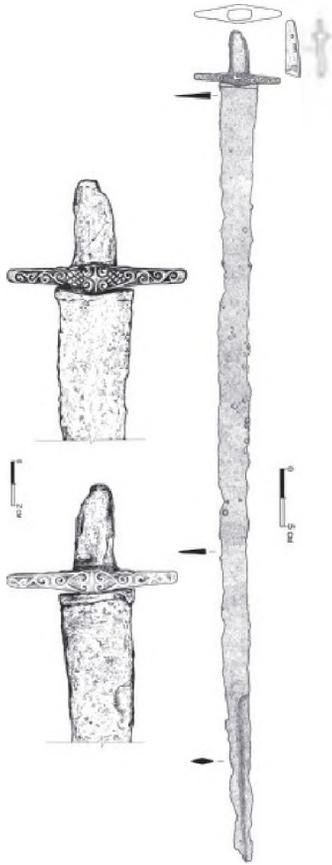

Рис. 4. Железная сабля.

Fig. 4. Iron saber.

для этносоциального анализа исследованного памятника.

Как было выше указано, рядом со скелетом усопшего был найден комплект вооружения, типичный для легковооруженного всадника (Худяков, 1986, с. 198). В состав этого набора, входят слабоизогнутая сабля, железные наконечники стрел различных типов, многофункциональный железный топор-тесло и железный нож.

Сабля, обнаруженная вдоль северного борта ямы в кургане № 22, представляет собой универсальное оружие ближнего боя (рис. 4). Она специально разработана для нанесения как рубящих, так и колющих ударов, что подчеркивает ее многофункциональность и высокую боевую эффективность.

Клинок сабли выполнен однолезвийным и обладает треугольным абрисом в поперечном сечении полотна. Противоположная сторона лезвия оформлена в виде прямой спинки. На расстоянии 14,5 см от острия нижняя часть клинка разветвляется на два лезвия, образуя ромбовидное сечение. Рукоять сабли изогнута в направлении лезвия. Размеры сабли: клинок

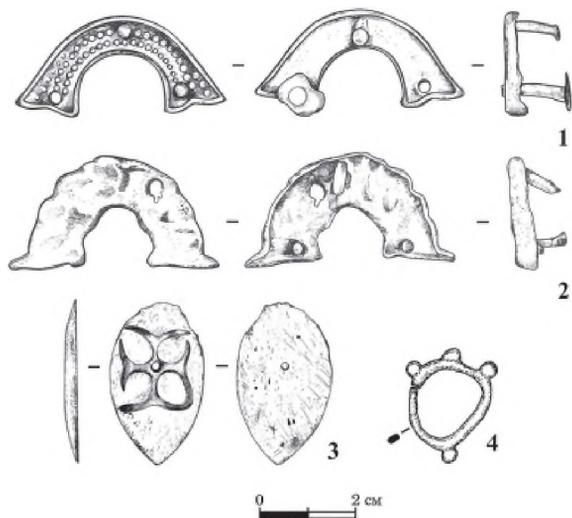
– длина 26,8 см, ширина до 3,5 см, толщина до 0,6 см; черен – сохранившаяся длина 4,5 см, длина с отломанной частью с штифтом – 9,5 см, ширина до 3 см.

На основание черена установлено перекрестие сабли, изготовленное из бронзы, которое имеет ромбовидную форму в поперечном сечении с аккуратно закругленными углами. Длина перекрестия достигает 7,7 см, ширина до 1,7 см.

Каждая сторона перекрестия оформлена уникальным узором, демонстрируя мастерство искусства орнаментации. На одной из поверхностей волнистые линии тонко переплетаются, создавая в центре элегантный сердцевидный мотив. Противоположная сторона украшена изысканным растительным узором, в сердцевине которого располагается ромбическая сетка. В целом процесс создания сложной орнаментики осуществлялся путем создания углубленного узора, который затем украшался вставкой золотых проволок, придавая изделию сложный и элегантный облик благодаря использованию техники тауширования. В зоне, прилегающей к рукояти сабли, и вдоль центральной части ее лезвия обнаружены две металлические бляшки, каждая из которых снабжена фиксирующими шпеньками на обратной стороне. Первое изделие – бляха-обойма – имеет арочную форму с несомкнутыми плоскими концами и оснащена рядом декоративных выступов вдоль верхнего края, а также сквозным отверстием, предположительно служащим для фиксации (рис. 5: 1).

Второе изделие, дуговидной формы с визуально утяжеленными краями, напоминающими форму рыбьего хвоста, декорировано множеством выпуклых кругов различного диаметра, которые расположены преимущественно в две симметричные линии вдоль ее поверхности (рис. 5: 2). Элемент оформления в виде «рыбьего хвоста» на концах изделий служит важным этнокультурным маркером, присущим кимакской и сросткинской культурам. Судя по находкам, такое украшение окончаний костяных псалиев и бляшек, связанных с экипировкой как людей, так и лошадей, было довольно распространенным явлением (Арсланова, 2013, с. 119; Савинов, 2005, с. 139; Горбунов, 2022, рис. 39).

Публикуемая сабля по многим своим характеристикам соотносится с находками

Рис. 5. Украшения из погребения: 1 – бронзовая бляха-накладка; 2 – бронзовая бляха-обойма; 3 – костяная нашивка с орнаментом; 4 – бронзовая нашивка.

Fig. 5. Jewelry from barrow: 1 – bronze belt badge-mount; 2 – bronze plaque-holder; 3 – bone patch with ornament; 4 – bronze badge.

из памятников VIII–X вв., принадлежащих к культуре кимаков Верхнего Прииртышья (Горбунов, 2016, с. 131–147). Отличительной чертой рассматриваемой сабли по сравнению с тюркскими аналогами является более выраженный изгиб клинка, что является характеристикой, присущей однолезвийным саблям кимаков Восточного Казахстана и сросткинской культуры (Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 235; Кубарев, 2005, с. 245).

На территории Восточного Казахстана в период 50–70-х гг. XX века археологические исследования обнаружено более 30 сабель, датируемых IX–X веками. Кроме того, в коллекциях Восточно-Казахстанского областного музея хранятся сабли, происхождение которых остается неизвестным (Арсланова, 2013, с. 59–60).

Особое внимание привлекают те сабли, которые демонстрируют изысканную отделку рукоятей и ножен. К ним относятся обнаруженные в курганах 97, 145 и 254 Зевакинского могильника, а также в кургане 1 Орловского могильника и кургане 1 могильника Акчий III (Арсланова, 2013, с. 28–92; 1969, табл. 1; Археологические памятники..., 1987, с. 171, рис. 88).

За период немногим более десяти лет наблюдается значительное увеличение числа таких находок. В частности, в Восточном Казахстане в рамках изучения элитных

комплексов кимаков на таких памятниках, как Каракаба, Аян и Туйетас, были обнаружены сабли, выполненные с высокой степенью мастерства (Самашев, 2016, с. 379–409; Омаров, Бесетаев, 2019, с. 34–41; Omarov et al., 2022).

Среди этих сабель встречаются уникальные экземпляры, которые украшены драгоценными металлами, такими как золото и серебро, а также бронзой. Следует отметить, что эти сабли обладают большой ценностью как в военно-техническом, так и в ювелирно-художественном контексте. Набор предметов, находившийся в могилах вместе с такими «роскошными» саблями, также выделяется своим богатством и разнообразием. Это недвусмысленно свидетельствует о высоком социальном и военном статусе тех, кто был похоронен в этих захоронениях.

На сабле, найденной на территории обширного комплекса Зевакино (к. 145), на концах ножен и на ручке присутствуют изображения мужчин, танцующих и играющих на музыкальных инструментах, а также изображен мужчина, сидящий между двумя птицами, на обойме ножен (Арсланова, 2013, с. 71–72). В некрополе Каракаба (к. 9) привлекает внимание сабля с изображениями крылатых лошадей на конце и обойме ножен, а также на ручке (Чотбаев, 2020, с. 135–145). На памятнике Аян (к. 1) на мужской пряжке пояса, покрытой золотом, зафиксированы антропоморфные мотивы (Хасенова и др., 2021, с. 1188–1203). Кроме того, сабли с тщательно декорированными перекрестиями, схожие с описанными нами, были найдены в Зевакино (к. 97 и 145) и в Каракабе (к. 4). Вероятно, эти находки свидетельствуют о существовании характерного стиля украшения сабель, который был распространен в данном географическом районе. По сравнению с остальными образцами сабель, найденными в других районах, где сосредоточены памятники кимакского племенного союза, можно сказать, что они имеют более скромное оформление (Худяков, Плотников, 1995, с. 98–99).

Расчищенный *топор-тесло* представляет собой изделие из толстой железной пластины подпрямоугольной формы, снабженное острым режущим лезвием. Его верхние боковые края изогнуты к центру, формируя не полностью замкнутую цилиндрическую структуру втулки. Вместе с топором-теслом

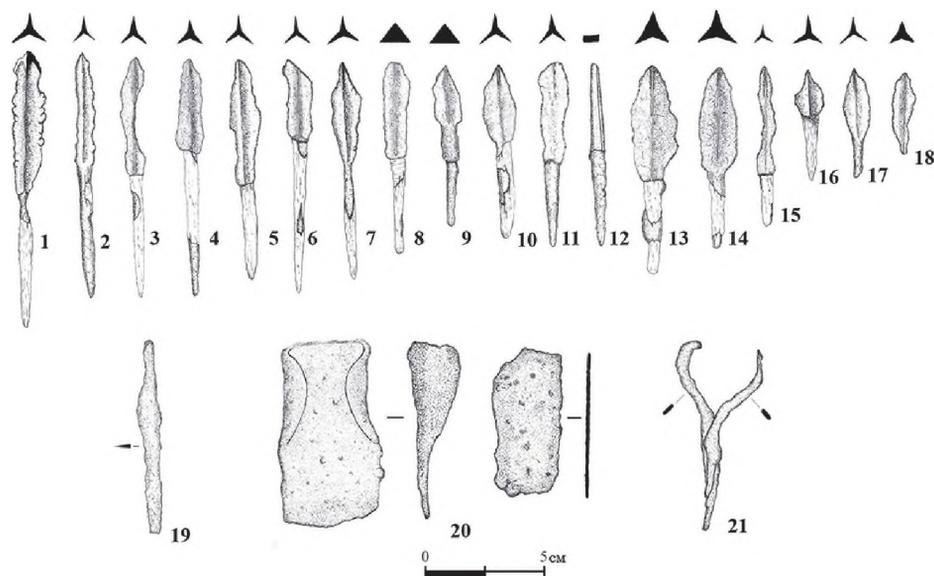

Рис. 6. Находки из погребения:

1–18 – железные наконечники стрел;

19 – железный нож;

20 – железный топор-тесло с закрепочным клином;

21 – фрагмент железного удила.

Fig. 6. Finds from the burial:

1–18 – iron arrowheads;

19 – iron knife;

20 – iron adze with a wedge;

21 – fragment of an iron bit.

найден закрепочный клин подпрямоугольной формы с неровными краями. Следует подчеркнуть, что топор-тесло не ограничивается функцией плотничьего инструмента. В некрополях, где присутствуют захоронения лошадей, он часто обнаруживается вместе с оснащением всадника, вооруженного легким оружием, что дает основания предполагать его использование в качестве рубящего оружия в ближних боях (Кубарев, 2005, с. 74; Грязнов, 1956, с. 152; Нестеров, 1981, с. 172) (рис. 6: 20).

Обнаруженный в кургане еще один предмет, одновременно используемый в быту и как оружие ближнего боя, представлен плохо сохранившимся *железным ножом* (рис. 6: 19). Исходя из сохранившейся части ножа, можно определить, что он относится к типу изделий с однолезвийным клинком треугольной формы и прямой рукоятью, на переходе в клинок формирующей плечико со стороны лезвия. Сохранившаяся длина ножа 8 см, ширина – до 1 см. В среде средневекового населения Алтая такие ножи применялись в целях личной безопасности и служили вспомогательным оружием в тесной рукопашной схватке (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 62; Горбунов, 2006, с. 78–79). Часто аналогичные ножи находили на памятниках Верхнего Прииртышья, ассоциируемых с кимакской культурой, а также в погребальных комплексах сrostкинской культуры, датированных периодом IX–X вв.

Оружие дальнего боя представлено комплектом *железных наконечников* стрел

(рис. 6: 1–18). Он включает в себя 18 экземпляров, каждый из которых обладает специфической конфигурацией, разработанной для обеспечения максимальной проникающей способности и адаптированной к разнообразным условиям стрельбы.

Изучение наконечников позволяет классифицировать их по сечению пера на несколько групп. Однако точная дифференциация на подтипы затруднена ввиду значительной коррозии и общей плохой сохранности большинства образцов. Все обнаруженные наконечники оснащены черешковым насадом. По характеристикам сечения пера наконечники могут быть разделены на несколько категорий. Из них пятнадцать экземпляров принадлежат к трехлопастным с различными модификациями, включая удлиненно-треугольные, удлиненно-шестиугольные и боеголовковые формы. Один наконечник относится к категории четырехгранных с тупоугольным острием и покатыми плечами. Два других экземпляра принадлежат к группе трехгранных: один с остроугольным острием и покатыми плечами, а второй с остроугольной боевой головкой и удлиненной шейкой.

В целом наконечники стрел, обнаруженные в некрополе Кансар, выявляют их типологическое сходство с аналогичными предметами из прилегающих районов Алтая, Тувы, Хакасии и Приобского плато (Арсланова, 1991, с. 67–77; Худяков, 1986, с. 183–190). Это сходство заключается в присутствии идентичных групп и форм наконечников, в преобладании

преимущественно трехлопастных и трехгранных форм и меньшем числе четырехгранных. Такой ассортимент наконечников стрел был типичен для воинов VIII–X веков, которые жили на землях под влиянием кимацкого племенного союза (Арсланова, 2013, с. 62).

Аналогии предметов, обнаруженных в непосредственной близости от захоронения, в частности изделия из бронзовой проволоки с четырьмя выступами и костяной поделкой, украшенной изображением четырехлистника, нам неизвестны (рис. 5: 3–4). Спектр функционального назначения этих артефактов может быть широким. Они могли использоваться как в качестве украшений, так и амулетов, при этом, возможно, имели как чисто декоративное, так и глубоко символическое или ритуальное значение.

Из предметов амуниции верховой лошади идентифицирован железный фрагмент, который по своим особенностям классифицируется как часть однокольчатого удила. Однако неполная сохранность образца препятствует его полной реконструкции.

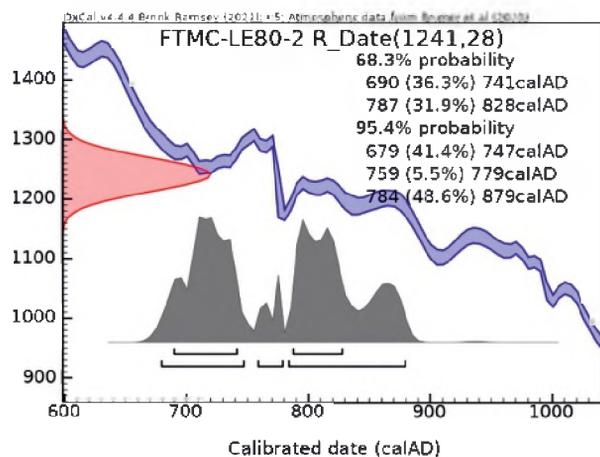
Выводы.

В истории Центральной Азии кимаки занимают особое место, и их влияние на культурно-политическую карту региона во многом остается предметом активных исследований. Под их непосредственным предводительством сложилось этнически разнообразное сообщество, что способствовало возникновению и распространению новых типов вооружения, происходивших из развитых центров Южной Сибири и Центральной Азии.

В этом контексте одним из важных открытий стало воинское захоронение, исследованное в Казахском Алтае. Наличие ярких предметов, таких как изысканно оформленная слабоизогнутая сабля, нож, топор-гесло, а также комплект железных наконечников стрел, указывает на высокий статус захороненного воина и его принадлежность к военной аристократии кимацкого племенного союза. В частности, стиль оформления сабли и ее специфические характеристики говорят о тесном взаимодействии и культурном обмене между кимаками и соседними этносами.

Благодарности:

Авторы благодарят Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей за представленные материалы археологических исследований

Рис. 7. Калиброванные значения дат по костям лошади из кургана № 22.

Fig. 7. Calibrated dates based on horse bones from barrow No. 22.

Анализ вещевого комплекса кургана № 22, датируемого VIII–IX веками на основе радиоуглеродного анализа (рис. 7), синхронизируется с периодом усиления военно-экономической мощи кимаков, сопровождаемой расширением их территориального владения на север и юг.

В целом уникальность подобных воинских захоронений из Верхнего Прииртышья заключается не только в их многочисленности и богатстве, но и в том, что они предоставляют весомые аргументы в пользу того, что именно здесь располагался один из ключевых военно-политических центров государства кимаков.

Кроме того, расположение этих захоронений в стратегически важном регионе, у важных водных артерий, предгорных и высокогорных зонах, подчеркивает его важность как центра власти. Также это могло способствовать контролю кимаками значительных торговых маршрутов, что, в свою очередь, могло сыграть роль в обеспечении их экономического процветания и военной мощи. В совокупности имеющиеся сведения дают основания предполагать, что Верхнее Прииртышье было не просто одним из многих районов расселения кимаков, а ключевым регионом, где сосредоточивались важнейшие военно-политические функции их государства.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.

Алехин Ю.П. Курган кимаковской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 201–203.

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 43–57.

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.

Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племён Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII–XI вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1983. С. 105–117.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири. История и археология / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1987. С. 50–69.

Арсланова Ф.Х. Некоторые образцы наконечников стрел кимаков Верхнего Прииртышья // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 67–77.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 406 с.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Мечи и сабли кимаков Восточного Казахстана // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. II / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 131–147.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Воинский комплекс сrostкинской культуры из пос. Горный в Северных Предгорьях Алтая // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. 234–247.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.

Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.: Наука, 1956. 228 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кумеков Б.Е. Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. Вып. X / Под общ. ред. Д.А. Ольдерогге. Отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 194–198.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по источникам. Алма-Ата: Наука, 1972, 156 с.

Могильников В.А. Кимаки. – Сrostкинская культура. – Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 43–46.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Нестеров С.П. Тёсла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б. Средневековые кочевники Восточного Казахстана (по материалам могильников Туйетас и Аян) // Ылы Дала: тарих пен мәдениет. Көне түркілер әлемі. Көрме каталогы (Великая степь: история и культура. Мир древних тюрков. Каталог выставки). Т. III. Нұр-Сұлтан, 2019. С. 34–41.

Самашев З.С. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2016. С. 379–409.

Савинов Д.Г. Кимаки на Енисее и кыргызы на Иртыше // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Отв. ред. Г.Г. Король. Красноярск: РИО КГПУ, 2005. С. 136–140.

Хасенова Б.М., Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Хабдулина М.К. Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина // *Oriental Studies*. 2021. № 14 (6). С. 1188–1209.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колющее оружие кимаков // *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии* / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 92–107.

Чотбаев А.Е. Предметы вооружения и снаряжение коня из некрополя Каракаба // *Поволжская археология*. 2020. № 1 (31). С. 135–145.

Юзеев А.Н. Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии (продолжение) // *Археология Евразийских степей*. 2018. № 1. С. 230–236.

Omarov G., Besetaev B., Khassenova B., Aitkali A., Altynbekov K., Sapataev S., Sagvndykova S. Horse equipment of medieval nomads of the Kazakh Altai (based on materials from the Tuyetas burial ground) // *Archaeological Research in Asia*. 2022. Vol. 31. September, 100389. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100389>

Информация об авторах:

Самашев Зайнолла Самашевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); archaeology_kz@mail.ru

Айткали Азат Калыулы, доктор Ph.D, ведущий научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); azza_semsk@mail.ru

REFERENCES

Akishev, K. A. (ed.). 1987. *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekhin, Yu. P. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 9. Barnaul: Altai State University, 201–203 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1969. In Akishev, K.A. (ed). *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana (Culture of ancient cattle breeders and farmers of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 43–57 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1972. In Akishev, K. A. *Poiski i raskopki v Kazakhstane (Searches and Excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 56–76 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1983. In Matyushchenko, V.I. (ed). *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoy Sibiri (Ethnic and cultural processes in Western Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 105–117 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1987. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri. Istoriya i arkheologiya (Sources on the history of Western Siberia. History and archaeology)*. Omsk: Omsk State University, 50–69 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1991. In Khudiakov, Yu. S., Skobelev, S. G. (eds.). *Problemy srednevekovoy arkheologii Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Issues of medieval archaeology of Southern Siberia and adjacent territories)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 2013. *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya (Essays on medieval archaeology of the Upper Irtysh region)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana (Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan). Vol. 3. Astana: "Izdatel'skaya gruppa Kazakhskogo NII kul'tury" Publ. (in Russian).

Akhinzhanov, S. M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana (The Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th–4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2016. In Efimov, S. V. (ed.). *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy (War and Weapons: New Studies and Materials)*. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 131–147 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin A. A., Semibratov, V. P. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 234–247 (in Russian).

- Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (Barrows of the Srostkinsk culture on the Ob Plateau)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations nearby the village of Bolshaya Rechka)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Zuev, Yu. A. 2002. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii (Early Turks: essays on history and ideology)*. Almaty: "Dayk-Press" Publ. (in Russian).
- Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Monuments))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Kumekov, B. E. 1971. In Olderogge, D. A., Romodin, V. A. (eds.). *Strany i narody Vostoka. (Countries and peoples of the East)* 10 Moscow: "Nauka" Publ., 94–198 (in Russian)
- Kumekov, B. E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po istochnikam (The State of the Kimaks in the 9th – 11th Centuries According to Sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Mogilnikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: *Archaeology of the USSR* 18. Moscow: "Nauka" Publ., 43–46 (in Russian).
- Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nesterov, S. P. 1981. In Khudiakov, Yu. S. (ed). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military organization of the ancient tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 168–172 (in Russian).
- Omarov, G. K., Besetaev, B. B. 2019. In *Velikaya step': istoriya i kul'tura. Mir drevnikh tyurkov. Katalog vystavki (The Great Steppe: history and culture. The world of the ancient Turks. Exhibition catalogue)* III. Nur-Sultan, 34–41 (in Russian).
- Samashev, Z. S. 2016. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.) *Altay v krugu evraziiskih drevnostei (Altay in the Circle of Eurasian Antiquities)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 379–409 (in Russian).
- Savinov, D. G. 2005. In Korol, G. G. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri: idei, metody, otkrytiya (Archaeology of Southern Siberia: ideas, methods, discoveries)*. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 136–140 (in Russian).
- Khasenova, B. M., Omarov, G. K., Besetaev, B. B., Khabdulina, M. K. 2021. In *Oriental Studies* 14 (6), 1188–1209 (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S., Plotnikov, Yu. A. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 92–107 (in Russian).
- Chotbaev, A. E. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 135–145 (in Russian).
- Yuzeev, A. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 81–88 (in Russian).
- Omarov, G., Besetaev, B., Khasenova, B., Aitkali, A., Altynbekov, K., Sapataev, S., Sagyndykova, S. 2022. In *Archaeological Research in Asia*. (31) September, 100389. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100389>

About the Authors:

Samashev Zainolla S. Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Beibitshilik St., 25, Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan; archaeology_kz@mail.ru

Aitkali Azat K. Ph.D., Leading Researcher, Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Beibitshilik St., 25, Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan; azza_semsk@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.

Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу

